

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Михаил Сухачев

ДЕТИ БЛОКАДЫ

Михаил Сухачев

Дети блокады

Издательство «Детская литература»

1989

Сухачев М. П.

Дети блокады / М. П. Сухачев — Издательство «Детская литература», 1989

Повесть Михаила Павловича Сухачева рассказывает о блокаде Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. С сентября 1941 по январь 1944 года фашисты каждый день по несколько раз бомбили и обстреливали город. Более миллиона ленинградцев умерло от голода и холода, но они не сдавались, героически работая и перенося лишения. Герои книги, – дети блокадного Ленинграда, Витя Стогов и его друзья, – тушили на чердаках зажигательные бомбы, ловили сигнальщиков-диверсантов, помогали людям выстоять. Любовь к Родине, стойкость, мужество, самоотверженность – вот главные черты этих ребят, благодаря которым они выдержали нечеловеческие испытания. Для среднего школьного возраста.

© Сухачев М. П., 1989

© Издательство «Детская литература», 1989

Содержание

От автора	6
Об авторе	7
ДЕТИ БЛОКАДЫ	9
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Михаил Павлович Сухачев

Дети блокады

- © Сухачев М. П., 1989
- © Сухачев М. П., изменения, 2012
- © Алимов Г. В., иллюстрации, 1989
- © Стуковнин В. В., рисунок на переплете, 2012
- © Оформление серии, предисловие. ОАО «Издательство „Детская литература“», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От автора

Желание написать книгу о детях блокадного Ленинграда возникло не вдруг. Занимаясь литературными разработками по темам, не связанным с Великой Отечественной войной, я следил за тем, как раскрывается в документально-художественной литературе правда о войне в целом и о блокадном Ленинграде в частности. О блокаде города на Неве писали много: и те, кто в нем тогда жил и работал, и те, кто в нем жил и не работал, и даже те, кто в нем никогда и не был. Но героями этих произведений были взрослые. О моем поколении упоминалось вскользь с налетом жалости к детям.

Самого меня написать о детях блокады сдерживал тот факт, что надо восстанавливать в памяти то пространство и время, от которого в моем сознании остался глубокий след – от потери родных и близких, от мук, обусловленных непреходящим чувством голода, которое не поддается привыканию и, как оказалось, страшнее, чем артобстрелы и бомбежки.

Я долго ждал, когда же наконец расскажут о детях, которые по хлебным карточкам были приравнены к нахлебникам возле скудного стола блокированного города, но которые, обуреваемые желанием помочь взрослым оборонять город, строили баррикады, сбрасывали «зажигалки», выслеживали вражеских сигнальщиков, проверяли светомаскировку и даже работали на заводах, подставляя под ноги ящики, чтобы дотянуться до станка.

В литературе о блокадном Ленинграде почти не писали об отрядах ребят, организованных в системе местной противовоздушной обороны, помогавших сандружинницам откапывать людей в разрушенных домах, оказывать медицинскую помощь раненым.

Да, я из города, который фашисты охватили обручами и закрыли на них замки, чтобы, как они говорили, не проскочила мышь ни туда, ни обратно (она и не могла проскочить, потому что все мыши были съедены). Нас, детей, в этом кольце осталось более 400 тысяч. Я из того времени, о котором поэт Юрий Воронов, также переживший в 12 лет блокаду Ленинграда, сказал: «Нам в сорок третьем выдали медали и только в сорок пятом – паспорта». В книге «Дети блокады» я рассказал о ребятах, которые воспринимали окружающий мир таким, каким он был, не хлюпиков, не ноющих, не изводящих взрослых просьбами о хлебе.

В книге нет вымысла. Все события имели место в действительности, изменены только имена (это сделано по этическим соображениям).

М. П. Сухачев

Об авторе

Михаил Павлович Сухачев, автор книги «Дети блокады», двенадцатилетним мальчиком пережил много месяцев в трагической и героической блокаде Ленинграда в 1941–1944 годах. Эта книга не просто литературное произведение, она рассказывает о тяжелых и страшных воспоминаниях, о борьбе ленинградцев и их детей, оставшихся в городе, об их невыносимых страданиях от голода и холода. У многих ребят в блокаде умерли все родные. Но это книга и о невероятном мужестве и стойкости ребят, не струсивших под бомбежками и обстрелами, а тушивших зажигательные бомбы на чердаках, помогавших женщинам и старикам и работавших на заводах наравне со взрослыми... Они быстро повзрослели и стремились сделать все, даже невозможное, для помощи городу, в котором ленинградцы умирали, но не сдавались. И в победе над фашистами была и их заслуга.

Родился Михаил Павлович в 1929 году в Орловской области, но затем его мать, трое братьев и четыре сестры переехали жить в Ленинград. Там он поступил в школу, начал заниматься в школьном авиамodelьном кружке и построил модель самолета, пролетевшего на соревнованиях ленинградских школьников самое большое расстояние. Все Сухачевы играли в струнном оркестре Ленинградского клуба железнодорожников.

Война круто изменила мирную жизнь семьи. Трое братьев и сестра ушли на фронт. А двенадцатилетний Миша остался с матерью и тремя сестрами в Ленинграде, который уже в сентябре 1941 года оказался в блокаде. Об этом страшном и героическом времени и рассказывается в повести «Дети блокады» (первое издание книги – 1989 г.).

Окончание войны совпало с завершением учебы Михаила в восьмом классе. Он поступает учиться во Вторую ленинградскую спецшколу военно-воздушных сил. После окончания учебы Михаил Сухачев стал курсантом Борисоглебского авиационного училища имени Валерия Павловича Чкалова. О тяготах учебы в авиационном училище в трудные послевоенные годы, о поколении летчиков, завершивших эпоху поршневого авиации и открывших страницу истории реактивной авиации, и о службе в частях истребительной авиации Михаил Павлович правдиво и очень интересно рассказал в своей книге «Исповедь летчика-истребителя», вышедшей в свет в Москве в 2011 году.

Закончив училище в 1951 году, молодой лейтенант Сухачев был направлен в город Винницу, где служил в 43-й воздушной армии дальней авиации. Он осваивал новую авиационную технику и летал на сверхзвуковых истребителях. В 1957 году командование армии направило капитана Сухачева на учебу в Военно-воздушную Академию имени Ю. А. Гагарина.

После завершения в 1961 году учебы в академии Михаил Павлович был оставлен там на преподавательскую работу и готовил кадры высшего командного состава авиации нашей страны. Вскоре он защитил кандидатскую диссертацию. Потом работал в Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР.

Но постоянно М.П. Сухачева, полковника авиации, летчика-истребителя, сопровождала жажда литературного творчества. Еще в 1974 году он написал рассказ «Мохаммад». Тема была навеяна во время двухгодичной служебной командировки в Египет. Рассказ увидел свет в издательстве «Молодая гвардия». Затем Михаил Павлович занялся изучением личного архива советника командующего авиацией во время войны в Испании (1936–1939) Е. С. Птухина и на основе архива написал интереснейшую повесть «Небо для смелых». Она повествует о событиях войны и участии в ней советских летчиков (М., 1979). А в 1981 году появилась повесть М. П. Сухачева о Герое Советского Союза генерале Г. М. Прокофьеве – «Штурман воздушных трасс» (М., 1981). Эту книгу автор посвятил летчикам Великой Отечественной войны.

В 2008 году М.П. Сухачев издал документально-художественную повесть «Или Цезарь, или ничто» – о разработке ракетного оружия в фашистской Германии в 1933–1945 годах, осно-

ванную на исторических фактах. В ней действуют реальные участники событий. Автор 20 лет собирал материалы для написания этой повести.

Жизнь Михаила Павловича в настоящее время представляет собой образец потрясающего трудолюбия и интереса буквально ко всему на свете: он преподает в двух институтах, пишет книги, занимается экстремальными видами спорта. Встав на горные лыжи более 40 лет назад, он и его жена до сих пор катаются по горным трассам Альп. Ранее они исходили горными тропами Кавказ и Тянь-Шань.

В 2009 году, в день своего 80-летия, Михаил Павлович поднялся в небо на одном из подмосковных аэродромов, управляя самолетом Як-52. Полет прошел успешно, был выполнен весь пилотаж: виражи, «петли», «бочки» и боевые развороты.

Известно выражение: «бывших летчиков не бывает». Михаил Павлович замечательно подтверждает это на своем примере.

От редакции

ДЕТИ БЛОКАДЫ

Повесть

*СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МАТЕРИ МОЕЙ,
АЛЕКСАНДРЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ЕРОХИНОЙ,
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Глава 1

От сильного, недалеко прокатившегося взрыва Витька вздрогнул. Он оглянулся на Валерку. Тот был спокоен. Как будто знал, что так и должно быть, хотя по условиям военной игры только трещотки могли имитировать стрельбу. Вновь прокатился долгий, затянувшийся гул, как бывает, когда взрывы следуют один за другим.

– Во дают! – возбужденно прошептал Витька. – Может, наши пошли в атаку, а мы здесь с тобой все прозеваем!

– Тихо ты! – цыкнул Валерка. – Сказано: нам сидеть в дозоре.

Задача их была простая: следить за просекой и, если появятся ребята с синей повязкой на рукаве, одному бежать и сообщить об этом в штаб отряда.

В дозор их посадили на рассвете, едва стало возможным отличать человека от дерева. Немного спустя, от нечего делать, Валерка развернул свой пакет с пайком, выданный каждому участнику игры вместо завтрака. Вареное яйцо, две вафли и две печенюшки привораживали взгляд. Но съесть все это было сказано не ранее чем через два часа.

– Ты как думаешь, сколько мы здесь сидим? – зашептал Валерка.

Виктор Стогов глянул на разложенные соблазнительные припасы «боевой обстановки». Ему тоже вдруг захотелось есть, и поэтому он решил подыграть другу.

– Да часа полтора. – Потом спохватился и добавил: – А может, и все два.

– Так, может, съедим? – Валерка Спичкин кивнул на пакеты.

– Давай. А то, если придется бежать, что мы их с собой таскать будем?

Паек был быстро «уничтожен», пакеты прикрыты травой.

Витьку потянуло на сон.

Вообще-то он любил военные игры. Но сегодня было неинтересно. Сидеть в дозоре – это не захватывать штаб «противника».

Виктор ездил в лагерь каждый год на две смены и заметил, что в последнее время все чаще заданием в военной игре было выслеживание и преследование «диверсанта». «Диверсантом» чаще всего оказывался пионервожатый из соседнего лагеря. Прошлым летом ребята гонялись за «диверсантом», который укрылся от них в Клюквенном болоте. Казалось, еще немного – и они его поймут. Но неожиданно появившиеся военные приказали ребятам прекратить преследование и немедленно вернуться в лагерь. Потом говорили, что это был настоящий диверсант, пробиравшийся к близлежащему аэродрому бомбардировщиков.

Теперь, когда грянули взрывы, у Витьки снова пробудился интерес к «войне».

На просеке, недалеко от них, появился парень из первого отряда, но без повязки.

– Дозорные! Выходи! – громко крикнул он.

Витька дотянулся рукой до Валерки и сделал знак прижаться к земле.

– Пацаны, конец игре! Выходите!

Витька крепче прижал Валеркину руку. Ему вспомнилось, как однажды был обманут их «разведчик», простодушно поверивший, что игра кончена. «Противники» привели его в

свой штаб, по случаю окончания игры угостили конфетами и, между прочим, спросили, где располагается штаб его отряда. Тот все рассказал. А через полчаса «война» действительно закончилась внезапным захватом штаба. Бедняга «разведчик» часа два плакал от обиды.

– Давай в штаб, – шепнул Витька, – я за ним послезу.

Валерка и десяти шагов не успел сделать, как под ногой у него хрустнула ветка. Парень кинулся в его сторону. Еще мгновение – и Валерка завизжал, схваченный за плечо.

– Где второй? – требовательно спросил парень.

– Не скажу! Пусти! Витька, не вылезай! – заорал Валерка что есть мочи.

– Дурак! Конiec «войне». Всех срочно собирают в лагерь!

– Не ври! Не обманешь! – уже ревел от обиды Валерка.

– Эй, Витька! Вылезай! – крикнул парень. – Всех собирают.

Виктор еще плотнее прижался к земле.

– Черт с вами, дураками! Сидите хоть до ночи. – Он отпустил Валерку и пошел в сторону, где был лагерь.

Валерка подскочил к другу:

– Бежим быстрее в штаб.

Штаба уже не было. На месте палатки остались пятна примятой травы, да кое-где валялись ветки.

– А чего так бабахало, если конiec «войне»? – разочарованно сказал Витька. – Пойдем в лагерь: здесь больше нечего делать.

Ни Витька, ни Валерка не связывали окончание игры с войной, начавшейся полмесяца назад.

Тогда на вечерней линейке начальник лагеря, молодая энергичная женщина, которую все, от мала до велика, звали Аня, произнесла пламенную речь о том, что нам нечего беспокоиться: Красная армия всех сильнее и немецко-фашистские захватчики в скором времени будут разгромлены на их же территории, как это было в войне с белофиннами. Потом ребята поотрядно отправились по дачам спать. Предстояли соревнования по авиамоделизму, а вслед за ними очередная военная игра. Забот и своих, лагерных, хватало.

В лагере что-то случилось. С бугра, возвышавшегося над стадионом, Витька с Валеркой смотрели на необычную суету взрослых, какая бывала, когда случалось ЧП.

– Может, кто-то из ребят утонул? – спросил Валерка.

– Ты что, опупел? – возразил Витька. – Сегодня же купания не было. Наверное, кто-то обожрался незрелой черемухой. Потому и игру сорвали, – рассудил он.

Они вошли на территорию лагеря.

– А вы чего шатаетесь? – накинулась на них пробегающая начальник лагеря. – Марш быстрее в свой отряд!

– Аня, – остановил ее завхоз, – как будем отправлять инвентарь?

– Какой инвентарь? – непонимающе уставилась она на завхоза.

– Ну там постели, кухонные принадлежности...

– К черту инвентарь! Главное, срочно отправить ребят на станцию. Мы в опасной близости от аэродрома. Его опять могут бомбить. – Аня отвернулась от завхоза и кинулась к машинам, въезжавшим в ворота: – Стой! Поворачивай к первой даче! Да осторожнее, не портите газоны! Их ведь ребята делали!

Витькин отряд грузили в трехтонку «ЗИС-5». Шофер сначала подкидывал в кузов пионера, потом бросал туда же его вещички.

Ребятам приказано было сесть на корточки и ни в коем случае не подниматься.

Набитые до отказа машины выехали на дорогу и, оставляя клубы пыли, прыгая на обнаженных корнях могучих сосен, по песчаной просеке помчались к станции Сиверская.

Раньше, едва ребята садились в кузов, начинались песни. Теперь все молчали. Нервозность, охватившая старших, передалась и ребятам.

По мере приближения к станции увеличивался поток спешащих туда людей. А перед станцией происходило что-то невообразимое. С обезумевшими взглядами, мокрые от пота, люди тащили на себе второпях упакованные вещи. Над рекой из панам, шляп, беретов, тубетеек и испанок¹ величественно, словно баркасы, покачивались фанерные и дерматиновые чемоданы, огромные узлы из простыней, одеял и скатертей. Мелькали клетки с птицами, блестели медными боками самовары. Из общего гомона выделялись громкие голоса:

- Кирилл, остановись! Сейчас выпадет посуда!
- Вика! Держись за папин кушак, а то отстанешь!
- Дедушка, осторожно! Не урони щеглов!
- Маша, брось, к черту, этот абажур, возьми патефон: у меня от него левая рука отсохла!..

Шофер головной машины сначала непрерывно сигналил, потом, остановившись, начал ругаться. Ему отвечали из толпы тем же. Поняв бесполезность перебранки, он повернулся к ребятам:

– А ну вылезайте! Будем грудью прокладывать дорогу. Держитесь крепко за руки! – Вдвоем, плечо к плечу с пионервожатым, они стали раздвигать толпу, покрикивая: – Дорогу! Осторожно! Дети! Пионерлагерь!

Так, двигаясь в толпе и с толпой, ребята почти добрались до станционной ограды.

Станция уже была занята: ее заполнило громадное стадо давно не доенных ревущих коров. Одичавшие, намотавшиеся за время долгого перехода из районов, где уже бушевала война, коровы устремились за помощью к людям. Но это были городские жители, многие из них не понимали беды животных, боялись приблизиться к ним, да было и не до них.

В раскаленном неподвижном воздухе к испарениям человеческого пота прибавилась смесь запахов навоза и брызгавшего из вымени молока.

Движение к станции прекратилось. Мелькали только разномастные бока коров. Шофер постучал по спине впереди стоящего крупного мужчины в белой панаме и полотняной толстовке:

- Эй, чего остановился? Коров испугался? Они не кусаются!
- Не толкайте! – нервно взвизгнул тот.

Тогда шофер вылез вперед, по-хозяйски спокойно взял из рук стоявшей рядом женщины зонтик и, легонько ударяя по коровьим мордам, пробрался к ветхому станционному заборчику, выворотил большой пролет и направил стадо в образовавшуюся брешь. Путь к станции освободился.

Стены небольшого станционного строения были уже отмечены клеймом войны. Пестрело множество рваных отверстий от осколков. Пол был покрыт слоем битого стекла, щепок, потолочной штукатурки, валялись вещи и продукты. Уцелевшим оказался только стоящий в углу большой оцинкованный бак с питьевой водой и железной кружкой, висевшей на длинной цепочке. От крана бака медленно отрывались капли воды – спокойно, как до войны...

Наверное, здесь были жертвы, потому что между опрокинутыми лавками виднелись чистые, еще влажные пятна подмытого пола. Входя сюда, люди замирали, как в помещении, в котором находится покойник. Даже дети безмолвно жались друг к другу, испуганно озираясь по сторонам.

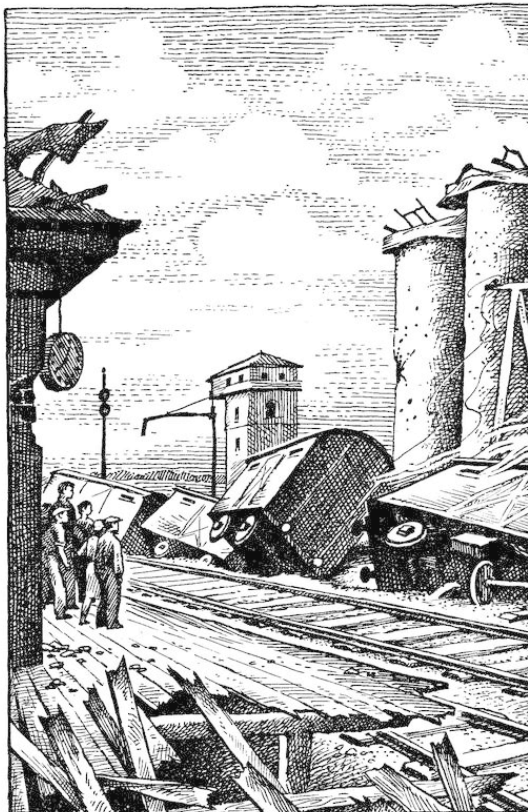
– Ребята, проходите на перрон! – неестественно громко прозвучала команда пионервожатого.

Там, за стенами станции, картина была не менее удручающей. Деревянный настил платформы в двух местах оцетинился острыми обломками досок, вывороченных из пола. Мед-

¹ И с п а н к а – пилотка с кисточкой.

ленно раскачивались на одной проволоке чудом уцелевшие станционные часы, на которых, как улика, было четко зафиксировано время фашистского преступления: девять часов восемь минут.

На втором пути еще дымились сваленные набок товарные вагоны, напоминающие скелеты громадных доисторических животных.

Это была война, настоящая, страшная, совсем не такая, какой виделась ранее в кино.

Поезд шел утомительно долго. Дважды он останавливался в поле, тревожно гудел паровоз, заставляя людей настороженно оглядывать небо.

Глава 2

В Ленинграде, уже на вокзале, чувствовались перемены. На перроне Варшавского вокзала не было, как обычно, ни щедрых шефских представителей Второй кондитерской фабрики с коробками сладостей, ни маршей фабричного оркестра, ни цветов в руках радостно-возбужденных родителей. Та небольшая группа, в основном мам, которая смогла приехать на вокзал в неурочное время, почти терялась среди военных, заполнивших перрон. Не раздавались, как ранее, радостные возгласы вдоль медленно проходящих вагонов: «Вовочка! Машенька!..» Не откликались им звучные детские голоса из полуоткрытых узких окон: «Мамочка! Я здесь! Вот я!»

Вслед за высадкой ребят вагоны тотчас стали заполняться красноармейцами. Некоторые из них, высунувшись в окно, громко выкрикивали:

– Ребята! Кто забыл свои вещички?

Как было приказано еще в дороге, все двинулись на привокзальную площадь и остановились слева от входа. Здесь «раздавали» детей родителям. Два фабричных автобуса ждали ребят, которых нужно было развозить по домам.

Выйдя на площадь, Виктор обратил внимание на то, что все окна домов заклеены крест-накрест белыми полосками бумаги. Зачем? Правда, он видел такие окна в домах на площади перед Московским вокзалом, где взрывали Знаменскую церковь для строительства на ее месте станции метро. Тогда взрыв был произведен так искусно, что ни одно стекло не треснуло.

Виктора и раньше, в добрые времена, никто не встречал. Поэтому, подойдя к пионервожатому, он сказал:

– Коля, так я поехал.

– Ты один?

– Нет, с Валеркой Спичкиным, мы с одного двора.

Витька отошел от пионервожатого, остановился и стал внимательно оглядываться.

– Ты кого высматриваешь? – спросил Валерка.

– Да так, – недовольный любопытством друга, ответил Витька.

– А-а, ясно, бабник! – глянув вперед, съязвил Спичкин.

– А ну повтори! – повернулся Витька, сжав кулаки. – Повтори, если хочешь без зубов остаться.

– Да ладно, видели мы таких! – огрызнулся Валерка, а сам стал пятиться ближе к толпе. – Валяй к ней. А еще друг называется. Нужен ты мне! Без тебя доберусь.

Витька и сам чувствовал, что нарушает мальчишечью солидарность, вроде предает дружбу, но ничего с собой поделывать не мог. Стыдно подумать, не то что признаться, но в Эльзу он был влюблен.

– За тобой приехали? – дернул он девочку сзади за рукав, хотя прекрасно видел, что с ней стоит мама.

– А-а, Витя, здравствуй! – обратилась к нему высокая полноватая Мария Яковлевна – Эльзина мать.

– Здравсьте, – почти угрюмо из-за размолвки с другом ответил Виктор.

– Поедем с нами. Попьешь чаю, а потом отправишься домой, – предложила женщина.

– Не-е, я сам, то есть за мной приехали.

– Врет он, мама, за ним никогда никто не приезжает! – хмыкнула девочка.

– Много ты знаешь! – Виктор повернулся и пошел.

– А у нас папа ушел на фронт! – с каким-то отчаянием выкрикнула Эльза.

Это было ошеломляющее известие, и Виктор быстро обернулся:

– Как это – на фронт? Почему? Он же не военный.

– Да, Виктор, – печально подтвердила Мария Яковлевна. – Добровольцем! – торжественно добавила она.

– Как же вы теперь?

– Не знаем. Сергей Яковлевич сказал: «Немного потерпите. Война скоро кончится». Ну, так ты едешь с нами?

– Не, спасибо. Я домой. До свидания. В школе увидимся.

Он направился к тому месту, где оставил Валерку, и по дороге думал об Эльзе и ее отце, Пожарове Сергее Яковлевиче, главном инженере крупного ленинградского завода.

Витька проникся к нему уважением с первой встречи в прошлом году. Сергей Яковлевич приехал в лагерь после ЧП, которое произошло с его дочерью.

Отряд, в котором была Эльза, по свистку дежурного пионервожатого приготовился зайти в реку. По этому же свистку отряд, в котором был Витька, выходил из воды. Мальчик успел подняться по крутому песчаному берегу коварной реки Оредежь и едва растянулся на траве, как услышал сначала испуганный возглас: «Помогите!», а потом многоголосый девчоночий визг.

Виктор не разобрал, кто кричал, но что-то заставило его подумать о несчастье именно с Эльзой. Он взвился пружинкой и, обдирая тело, ринулся с обрыва к реке. Упав на песок, кубарем докатился до воды и поплыл к мелькавшим в быстром течении реки черным косичкам.

Сильно жгло грудь, и боль отдавала при каждом взмахе руками. Сбилась дыхание. В какой-то момент появился страх, что он не спасет Эльзу и сам следом за ней начнет тонуть. Но решил, что тонуть будет молча, потому что звать на помощь стыдно.

Собрав последние силы, он поплыл по-собачьи – так презрительно среди ребят назывался стиль, которым плавали девчонки. В другое время он бы себе такое не позволил, но сейчас было не до форса. Так меньше расходовались силы.

...Когда подбежал дежурный пионервожатый, Витька уже выбрался на мелководье и, пятясь, тащил под мышки бездыханную Эльзу. По берегу подбежали люди, подхватили девочку, быстро вынесли на песок, стали откачивать.

Витьку трясло от нервного напряжения и усталости. Он едва доковылял до берега. Все тело было в ссадинах, чувствовалась сильная боль в левой ноге. Он сел на мелководье и стал смывать кровь.

Все суетились возле Эльзы. На него никто не обращал внимания. В душе у Витьки появилась обида. Вот сидит он, весь в ссадинах, в крови, и никто не смотрит даже в его сторону, как будто ему не больно и вообще как будто его и нет. Крупные слезы покатались по щекам. Вопреки желанию, мальчик несколько раз громко всхлипнул.

Наверное, это услышала пионервожатая. Она подскочила к Вите и, увидев обильно выступающую кровь, закричала громко и испуганно: «Помогите!», словно больно было ей, а не ему. Потом наклонилась над ним и запричитала:

– Не плачь, Витенька, милый, герой ты наш. Больно, да? Потерпи. Сейчас тебя отнесут в лазарет, перевяжут...

Вот такого внимания он не ожидал и не хотел. Стыд какой!

– Я и не плачу, чего вы выдумали! Ни капли не больно! Песок попал в глаза! И нести меня не надо – сам дойду!

Витя встал. Кровь потекла еще сильнее. Не успел он сделать и двух шагов, как крепкие мужские руки старшего пионервожатого подхватили его.

– Не трогайте, я сам! – задергался мальчуган.

– Не валяй дурака! Посмотри на себя, как поросенок недорезанный! Сиди смирно! – успокаивал его пионервожатый.

Когда приехали Эльзины родители, Витька и Эльза лежали в смежных палатах лазарета. Девочка чувствовала слабость и немного температурила. Врач сказал, что это от испуга. Однако вскоре Эльза выздоровела.

У Виктора же оказалась порванной связка в ступне, и теперь нога его покоилась в гипсе, тело все было вымазано йодом, а левое плечо еще и забинтовано.

Пожаровы пришли навестить его все вместе. Виктор не знал, как себя вести, и прикрывал свое смущение грубоватостью.

– Ты прямо герой, Витя! – ласково сказала Мария Яковлевна. – Твоему подвигу в лагерной стенгазете посвящена большая статья «Равняйтесь на мужество!».

– Да ерунда это все, – ответил он.

– Нога еще, наверное, будет долго болеть, – продолжала она.

– Ну и наплевать.

После такого ответа Сергей Яковлевич расхохотался, чем привел в замешательство жену больше, чем мальчика.

Потом, когда Пожаровы вышли из лазарета и остановились на крыльце (как раз рядом с окном его палаты), Виктор хорошо слышал продолжавшийся между ними разговор.

– Возможно, он и хороший мальчик, но грубый... – громко говорила женщина.

– Вот такой и бросится спасать не задумываясь, – перебил ее муж.

– Сережа, я тебя не понимаю. Это же недостаток воспитания, что ты оправдываешь? Наверное, еще не знаешь, что неделю назад он побил Эльзу.

– Знаю, знаю, мне рассказали. Больше того, когда его хотели выгнать за это из пионерского лагеря, то твоя воспитанная дочь устроила кошмарную истерику начальнику лагеря.

– Эльза, доченька, неужели это правда? – удивилась Мария Яковлевна.

– Да, мама. – В голосе дочери не было не только тени смущения, но даже слышалась незнакомая доселе твердость.

– Какой ужас! – запричитала Мария Яковлевна. – Я ничего не понимаю!

– Эх, Маша, чтобы это понять, нужно вспомнить свои одиннадцать-двенадцать лет, – улыбнулся Сергей Яковлевич, потом обратился к дочери: – Эльза, пригласи его к нам, когда вернетесь из лагеря.

– А как? Он ведь к девчонке в дом не пойдет.

– Скажи, что приглашает отец, мол, у него есть авиамодель и он хочет ее показать.

– Но ведь у тебя никакой модели нет. Что же ты покажешь?

– Ну, модель к тому моменту может появиться или, наоборот, пропасть, а показать есть что, он ведь технику любит.

Но Виктор от приглашения отказался, хотя ему очень хотелось узнать, как живет Эльза, встретиться с ее добрым отцом, ведь своего отца он совсем не помнил. Отказался, потому что был невольным свидетелем этого разговора.

Валерки нигде не было. Виктор потолкался в толпе, громко и бесцеремонно окрикнул несколько раз друга и оглушительно свистнул, пока не получил увесистый подзатыльник от пожилого мужчины.

«Не стал дожидаться. Ну ладно. Еще придет подлизываться», – подумал он и направился к трамвайной остановке.

На остановке было много народу, но своего друга Витька заметил тотчас. Да и Валерка как будто ждал его: помахал издали рукой.

– Чинарик хочешь? – Валерка раскрыл ладонь, на которой лежали окурки самых дешевых папирос «Звездочка».

– Нет, дома сразу учуют – выдерут.

– На, потом покуришь, – совал Валерка окурков, пытаясь загладить размолвку.

– И потом не буду.

Витька не забыл, как перед отъездом в лагерь оба они получили хорошую выволочку от его старшего брата Андрея – студента Института связи. Во дворе, за сараями, друзья играли в маялку². Оба курили и, увлеченные игрой, не заметили, как подошел Андрей. Он сгреб Витьку за шиворот, повернул к себе, вырвал окурочек изо рта и перчатками отхлестал по щекам.

«Еще раз увижу – оторву башку. Это касается и тебя», – повернулся он к Валерке.

«Ха! Не имеешь права распускать руки!» – огрызнулся Валерка, бросив на всякий случай окурочек и отступив назад.

«Ах ты, сопляк паршивый!» – Андрей в два прыжка настиг Валерку и повторил воспитательный прием в той же последовательности.

На Виктора это подействовало. Наверное, еще и потому, что курил он без всякого желания, а так, для форса, и только в своем «обществе».

– Чо, бросить, что ли? – Валерка держал на вытянутой ладони окурочки.

– Ага.

Валерка без сожаления высыпал под ноги чинарики и придавил их ногой.

– Как поедем, на подножке или на «колбасе»? – спросил он.

– На подножке и без нас много.

Они выждали, пока тронулся с места трамвай, на подножках которого, как гроздь винограда, висели люди, и вскочили на сцепку заднего вагона, держась одной рукой за резиновый шланг тормозной системы, а другой – за карниз оконного стекла. Это был их любимый способ езды на общественном транспорте. Ребята не торопились цепляться прямо на остановке. Это и рискованно: взрослые могут согнать, да и никакого шика. А вот если дать трамваю набрать скорость, это совсем другое дело. Рано прыгнуть – недостойно. Еще хуже – не догнать. От стыда можно провалиться, ведь с задней площадки вагона наблюдают. Спрыгнуть тоже надо умеючи: на большой скорости и, по возможности, быстро остановиться. Нет ничего позорнее после соскока бежать вприпрыжку или еще хуже – шлепнуться.

Витька Стогов с Валеркой Спичкиным слыли мастерами такой езды. В последних «соревнованиях» на Лиговке среди дворовых сверстников они победили не только по скорости заскакивания и спрыгивания, но и по «почерку», что тоже оценивается ребятами по достоинству.

Теперь они ехали на «колбасе» вдвоем. Это удавалось немногим, потому что стоять на узкой сцепке можно было только на одной ноге.

– Гляди! – крикнул Валерка.

Витька поднял глаза и встретился взглядом с Эльзой и ее матерью, пробиравшимися ближе к заднему окну. Ему стало стыдно. Но прыгать с «колбасы» было рискованно: трамвай ехал слишком быстро, отчего сцепка сильно моталась из стороны в сторону.

Эльза прильнула к стеклу и зло посмотрела на ребят, потом выразительно зашевелила губами, произнеся безошибочно понятное слово «дураки».

Витька отвернулся и, едва трамвай сбавил ход, спрыгнул. Он выждал, когда 15-й номер, на котором ехали Эльза, ее мать и Валерка, скрылся, потом догнал 19-й и вдоль Обводного канала добрался до Новокаменного моста на Лиговской улице.

Сошел он возле своего любимого кинотеатра «Гудок». Здесь работали давно знакомые, добрые билетерши, тетя Даша и тетя Катя, пропускавшие ребят без билетов. Места можно было занимать любые, но только на полу перед первым рядом. Правда, за это надо было вынести корзину с мусором или собрать в фойе обрывки билетов, обертки от конфет и эскимо. Помнится, когда шел фильм «Чапаев», приходилось убирать фойе по пять раз в день, чтобы увидеть, когда же Чапаев в конце концов спасется. Ведь от сеанса к сеансу он, казалось, был

² М а́ я л к а – игра, в которой каждый по очереди подкидывает ногой небольшой груз, завернутый в тряпицу.

все ближе и ближе к берегу, подбадриваемый оглушительными криками ребят: «Давай, давай, Чапай! Еще немного!»

Виктор подошел к витрине кинотеатра. Из-за стекла на него смотрели радостные, счастливые актеры фильма «Антон Иванович сердится» – Кадочников и Целиковская, но он больше сочувствовал Керосин-Бензин-Мартинсону³. Витька сморщился: это был фильм про любовь, не то что «Чапаев», и второй раз он на него не пойдет.

Он снова вернулся на остановку, догнал первый попавшийся трамвай и доехал до своей остановки – Курская.

Прямо на углу, рядом с аптекой, сколько Витька себя помнил, стоял тесный круглый киоск, в котором чудом вмещался толстый продавец-китаец, всегда одетый в черный, наглухо застегнутый балахон и черную шапочку. Из всех товаров, которыми был забит его киоск, Витьке нравились только черные маковые ириски. Китайца и взрослые, и ребята прозвали Ходя, сказав слово «уходи», которым он пытался прогнать назойливых мальчишек.

Денег, разумеется, не было, а ириски аппетитно блестели за витриной. Поэтому Витька не придумал ничего лучшего, как подразнить китайца. Он потянул пальцами углы глаз так, чтобы они превратились в узкие щелки, и, сунув голову в маленькое окошечко, крикнул:

– Ходя, Ходя! – после чего поспешно показал язык и отскочил от ларька под возмущенные крики продавца.

Тотчас внимание мальчика привлекли стрела на стене дома и большая надпись, сделанные красной краской по белому полю: «Ближайшее бомбоубежище за углом, Воронежская, 55». «Это мой дом!» – с гордостью подумал Витька и пошел вдоль стены туда, куда указывала стрела.

Такая же надпись оказалась еще на нескольких домах, пока он не подошел к своей подворотне, где было написано иначе: «Бомбоубежище во дворе». Оно действительно было только что оборудовано в подвале образцовой школы № 99, и вход в него был почти рядом с дверью квартиры, в которой жил Витя.

Когда-то подвал был самым удобным местом игры в прятки, но с тех пор, как в нем повесился пьяный извозчик Пильтин, ребята не заходили туда, а Витя старался проскочить массивную железную дверь как можно быстрее. И сейчас, едва глянув на нее, он вспомнил вытаскиваемого из подвала извозчика с длинной, как у общипанного гуся, шеей, с обрезком веревки на ней.

В квартире, в которой, помимо девяти человек семьи Стоговых, жили учительница географии Клавдия Петровна и истопник школы дядя Ваня с женой, работавшей, как и Витькина мать, уборщицей, входная дверь не закрывалась ни днем ни ночью. В этом не было необходимости, потому что вынужденная бедность жильцов была общеизвестна даже тем, кто промышлял по квартирам своего района.

Идя по длинному темному коридору, Виктор впереди, в кухне, увидел свою мать, Александру Алексеевну.

– Ма, я приехал, – сказал он, снимая с плеч маленький самодельный рюкзачок со скромными лагерными пожитками, – чо надо помочь, а то я пойду на улицу.

– Не болтайся далеко, скоро позову. Пойдем чердак вычищать от хлама.

– Зачем это?

– Директор школы велел, чтобы не произошло пожара, если упадет бомба.

– А-а! А когда бомбить будут? – с любопытством спросил он.

³ Актер С. А. Мартинсон играл в фильме роль композитора Керосинова. Мальчишки прозвали этот персонаж Керосин-Бензин.

Ему очень хотелось увидеть вражеские самолеты и падающие бомбы. Это не то что в кино: хоть и похоже, но не настоящее. На Сиверской он видел недавно разбомбленный вокзал – здание было разрушено полностью.

– Я есть хочу, – сказал он, так и не услышав от матери ответа.

– Поешь щей.

– Не, я скибку⁴ хлеба возьму. Потом пообедаю. – Витька отрезал ломоть от буханки, полил постным маслом, посыпал солью и, кусая на ходу, поспешил во двор.

За домом, где помещался крохотный, зажатый со всех сторон громадными стенами чахлый садик, было необычно пустынно: нет его сверстников, нет мелкоты, вечно дерущейся в двух песочницах. Витька подумал, что сегодня игра в «войну» не состоится: нет народу ни для «красных», ни для «белых».

Он прошел за угол низкого мрачного строения прачечной, отбросил доски и задумчиво устался на самодельный броневик, сделанный из педального детского автомобиля и половины железной бочки, прикрепленной сверху кузова вместо башни. Выше смотровой щели, поперек бочки, белой краской аляповато было выведено: «Смерть Колчаку».

Броневик был предметом гордости всей Витькиной компании. Ни один двор не имел педального броневика, а в их доме не было даже педального автомобиля. В нем жили люди скромного достатка, и такая роскошь для ребенка считалась непозволительной. Автомобиль и Витьке достался не совсем праведным путем.

Это было в прошлом году. Едва ребята перелезли через забор Большого сада, как увидели на дорожке новый ярко-синий педальный автомобиль, за рулем которого сидел пухленький холеный карапуз в матросском костюмчике. Ребята знали наперечет всех обитателей Большого сада, но такого нарядного малыша ни на Воронежской, ни в ее окрестностях не числилось.

«Вот бы покататься!» – У Валерки заблестели глаза.

«Не, из него броневик надо сделать. Тогда „война“ будет как настоящая», – возразил Витька.

Они подошли поближе к счастливому обладателю автомобиля. Витька держал в руках рогатку.

«Пацан, ты чей?» – спросил Витька.

«Пирожков, – ответил толстячок, пристально разглядывая рогатку. – Дай стрелнуть», – попросил он.

«Где живешь?» – не отставал Витька.

«На Боровой, – с готовностью ответил тот и снова попросил: – Дай стрелнуть».

«На», – протянул Витька рогатку.

«А куда стрелять?» – спросил обрадованный мальчик, поспешно вылезая из автомобиля.

Ребята оглянулись вокруг. Валерка вытащил из урны консервную банку и повесил на ветку в десятке шагов, не веря, что этот неженка на таком расстоянии попадет в нее.

Но мальчик оказался удачливым. Целился он долго, и вот банка со звоном упала с ветки. Радости его не было предела.

«Давай меняться на автомобиль», – предложил Пирожков, умоляюще глядя на Витьку и не выпуская из рук рогатку.

«Ну да! Тебе потом... надерут», – откровенно назвал Витька ту часть тела, которая у него-то страдала за все проделки.

«Нет, бабушка добрая, а папа с мамой уехали в Крым».

⁴ С к и б к а – кусок, ломоть, краюха.

Крым для Виктора был таким же далеким географическим понятием, как Индия, потому что сам он дальше Сиверской света белого не видел. Витька подумал, что, приехав из далекого Крыма, родители карапуза наверняка не вспомнят об автомобиле.

«Давай, – согласился он. – Бери еще в придачу камни для рогатки и маялку со свинцом». Это было все, чем он располагал.

Ребята схватили автомобиль, быстро вернулись во двор и в считанные минуты спрятали его в одном из многочисленных сараев.

Через неделю, переоборудованный под броневик, автомобиль Пирожкова получил первое боевое крещение под градом камней отступающих «белых». Вскоре на нем царапин и вмятин стало больше, чем собственной краски.

...Теперь не до игры в войну. Война настоящая напоминала о себе на каждом шагу окнами с белыми полосками бумаги, светомаскировочными шторами, наклеенными на стены домов приказами начальника МПВО⁵ о поведении во время воздушной тревоги, о трудовой повинности...

«Вот бы на фронт попасть! – мечтательно подумал Витька. – Есть же счастливые ребята там, где уже идет война. А тут, наверное, так все и обойдется – учениями МПВО да командами по радио: „Воздушная тревога“, „Отбой воздушной тревоги“, которые слышали еще до войны».

Прикрыв досками «броневик», Витька уныло направился домой.

⁵ М П В О – местная противовоздушная оборона.

Глава 3

Семья Стоговых обедала. Мать Александра Алексеевна вышла на кухню в тот момент, когда по радио сообщили, что в саду Госнардома⁶ выставлен фашистский бомбардировщик, сбитый зенитчиками на подступах к Ленинграду.

– Во здорово! – вырвалось у Витьки. – Сейчас поеду смотреть!

– Никуда не поедешь, – строго сказала сестра Галя. – Совсем от рук отбился, избродяжничался. Мать пожалей.

– А что ты командуешь? Сейчас придет ма, я отпрошусь, – заартачился Виктор.

– Витька! – В окне появилось взволнованное лицо Валерки. – Слыхал? В Госнардоме, возле «американских гор», немецкий самолет сбили! Едем!

– Вот еще один шалопай явился! Никуда он не пое...

Галя не успела договорить, как Витька стрелой метнулся к двери. Но она перехватила его. Тогда Витька дернулся назад и через мгновение мелькнул в открытом окне. Догнать его никто не сумел, тем более Галя, у которой с детства были больные ноги.

У ворот стояли готовые к поездке друзья – Борька Угольков и Санька Фуражин.

Чтобы добраться до Марсова поля, пришлось сменить четыре трамвая. У моста через Мойку повезло: они догнали грузовой трамвай с тремя платформами.

– Красота! Едем без остановок! – закричал Витька и стал взбираться на бухту⁷ толстого кабеля.

От Кронверкского пролива уже были видны вышки аттракциона «Американские горы». Виктор катался на этих горах всего один раз, весной прошлого года, и то ему просто повезло.

К старшему брату Андрею пришла девушка-однокурсница. Это для семьи Стоговых было сногшибательным событием. Младшим приказали убраться из комнаты и не показывать носа. Витьку это вполне устраивало: он в кухне доделывал модель самолета.

Когда в коридоре хлопнула дверь, он выглянул из кухни и громко, на всю квартиру, выпалил:

«Ма! А к Андрюшке девушка Валька пришла!»

Высочивший из комнаты Андрей дал Витьке подзатыльник. Мать как будто бы даже одобрила это, а девушка, шедшая вслед за Андреем, стала упрекать его. Если бы не жалость Вали, Витька воспринял бы это вполне нормально, ведь его дома все так воспитывали. Но заступничество девушки разжалобило его самого, и он тихо всхлипнул.

Все ушли в комнату. Но спустя немного времени Валя вышла и спросила:

«Хочешь с нами в Госнардом поехать?»

«Чего я там не видел? А потом этот, – он кивнул в сторону комнаты, намекая на брата, – опять руки распустит».

«Не распустит. Ты на „Американских горах“ катался?»

«Нет».

«А хочешь?»

Витька молча кинулся к умывальнику и только краем уха услышал разговор Андрея с матерью.

«Ма, дай рубля два-три», – попросил он тихо, чтобы не слышала Валя.

«Ты с ума сошел! Зачем так много?»

«Ну, на трамвай, мороженое и на этого балбеса».

⁶ Г о с н а р д о м – бывший Народный дом императора Николая II, был открыт в 1900 г.

⁷ Б у х т а кабеля – кабель, уложенный в кольцеобразный моток.

...Витьку посадили прямо за спиной водителя тележек. Он без особого восхищения наблюдал, как канат медленно поднимал их на очень крутую вершину. Потом началось что-то невообразимое. Прямо с вершины они стали падать. Мальчик отчетливо видел, что рельсы уходят куда-то вниз, сливаясь в узкую ниточку. Казалось, сейчас все они кубарем, через голову водителя, покатаются в пропасть. Сзади раздался женский визг, испуганные возгласы. Все это слилось с шумом колес и свистом ветра.

Витька съежился и, хотя бы пристегнут ремнями к тележке, изо всех сил вцепился в ее борта. Только мальчишечье самолюбие не позволило ему завизжать от страха. И в этот момент водитель встал во весь рост. Это казалось невероятным. Его поведение тотчас подействовало успокаивающе.

В самом низу, сделав крутой изгиб, тележки стремительно взлетели вверх. Сильная перегрузка вдавила людей в сиденья. Выскочив на новую вершину, поезд покатился по пологой изгибающейся, отчего возникло такое ощущение, будто тебя вытаскивают из тележки. Рельсы круто метнулись влево, увлекая тележки в вираж. Потом поезд понесся по пути, проложенному на опорах, поднятых высоко над землей, отчего создавалось впечатление свободно парящего полета.

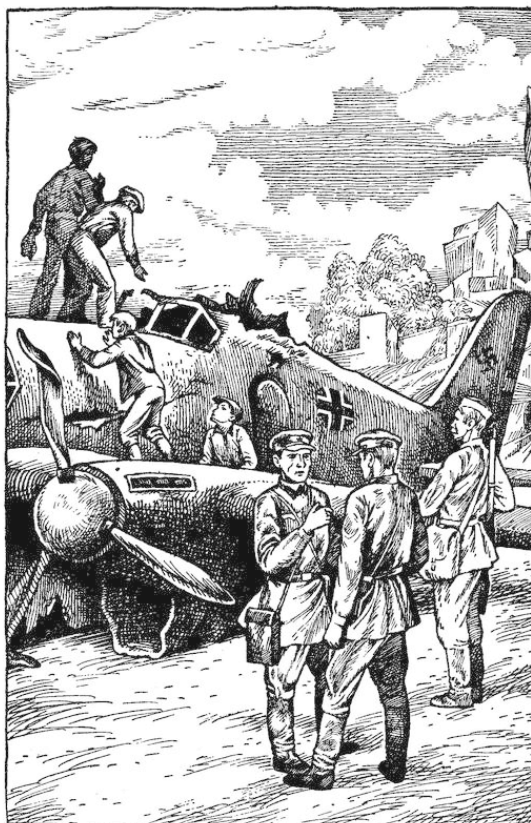
Видно было, как люди на земле, подняв головы, с любопытством наблюдают за движением поезда. Сделав еще несколько головокружительных взлетов и спусков, поезд стал полого спускаться, постепенно замедляя ход. Прекратился визг, раздалась возгласы облегчения.

Теперь, когда Витька почувствовал, что остался цел и невредим, его обуяла безудержная храбрость. Он готов был кататься еще и намекнул об этом брату и Вале. Но ему купили пятнадцатикопеечное мороженое, после чего брат шепнул, чтобы он катился на все четыре стороны, и чем быстрее, тем лучше.

...Сейчас «Американские горы» не работали. Возле них было пусто. Зато площадка около сбитого фашистского самолета кишела людьми. Над толпой торчал серо-зеленый киль⁸ с желтой пугающей свастикой.

Ребята пронырнули в толпе и оказались рядом с веревочной оградой, за которой лежал самолет, собранный из обломков. Несколько военных стояли около него.

⁸ К и л ь – вертикальная часть хвостового оперения самолета.

– Дядь, а можно заглянуть в кабину? – обратился к одному из них Витька.

– Да внутри все разбито – нечего смотреть, – ответил тот.

– Все равно интересно, – умоляюще поддакнул Валерка.

– Ладно, ныряйте под веревку, – разрешил военный.

Ребята бегом помчались к самолету и вскарабкались на борт возле кабины. Там действительно все было разбито. Множество приборов с поломанными стрелками замерли в тот момент, когда стервятник закончил свое разбойничье существование.

– Тьфу, Гитлер проклятый! – Витька плюнул в кабину.

...Дома был переполох. Срочно собирали в эвакуацию близнецов Сашу и Лену, работавших на одном из оборонных заводов. Виктор позавидовал им: всего-то на пять лет старше, а уже едут одни, без старших, и не куда-то близко, а на Урал.

Он подступил к матери.

– Ма,пусти меня с ними, – попросил робко, чувствуя, что лезет под горячую руку.

– Ты что, свихнулся? – удивилась она, продолжая завязывать фанерный чемодан. – Это не твои дурацкие игры в войну.

– Да, а чем они лучше меня? Тогда я все равно убегу!

– По ремню соскучился? Так и скажи, – пригрозила Александра Алексеевна. Но потом, смягчившись, добавила: – Андрей и Гриша воюют, Саша и Лена уезжают на Урал. Что же, я с одними девчонками останусь? В деревне такие, как ты, уже по хозяйству помогают.

Сборы были короткие. Мать сдвинула чемодан и клеенчатый узел к стене, скомандовала:

– Все садитесь! – и пристально глянула на притихших близнецов, словно пытаясь запечатлеть их перед разлукой. Через минуту молчания она поднялась. – С Богом! – и перекрестила детей. – Пишите, не ленитесь. Теперь душа будет болеть о вас.

Все вышли на улицу, где возле полуторки суетились отъезжавшие.

– Ксения, – обратилась мать к одной из женщин, – ты уж пригляди за моими. Сама понимаешь, сколько у них ума.

Машина тронулась. Шум поднялся еще больше. Кричали из кузова машины, последние напутствия торопились высказать оставшиеся. Многие плакали.

У Витьки защекотало в носу, и он скривился от подступающих слез. Уезжали брат и сестра, самые близкие ему по возрасту, самые любимые.

Мать не плакала. Только шевелились ее губы, призывая Бога не оставить своей милостью детей, уезжавших в неизвестную даль.

Мать Витьки, Александра Алексеевна Стогова, женщина 55 лет от роду, на своем веку видела многое. Она была простой русской крестьянкой, до 43 лет прожившей в деревне, на долю которой выпал тяжкий труд, нищета, рождение 14 детей и кулаки пьяницы мужа. Тихая, набожная, она тем не менее обладала крепким духом. Только поэтому решила в один из зимних дней 1929 года покинуть родную деревню, забрав с собой весь «выводок». Она хотела податься в город Волхов. Там, на вокзале, она уговорила сердобольного проводника пустить их в вагон поезда, не ведая, куда едет. Через двое суток вся семья оказалась в Ленинграде. Соседи по вагону, ленинградские партийные работники, доставили семью Стоговых в школу, убедили директора выделить комнатку и взять женщину на работу уборщицей. Потом-то директор не пожалел о своей согласии, потому что на школу работала не только Александра Алексеевна, но и вся ее семья, для которой школа стала родным домом, храмом просвещения, местом приложения безвозмездного труда.

С раннего утра дети, подобно муравьям, растаскивали по всем пяти этажам школы вязанки дров, протапливали классы до начала занятий, следили за состоянием освещения и водопровода, оформляли помещение к праздникам и олимпиадам, белили потолки, красили стены и делали тысячи всяких дел в хлопотном школьном хозяйстве. А главное, все они жили тут, рядом, в конце коридора на первом этаже.

Школа, как могла, заботилась о семье Стоговых. Детей обеспечивали одеждой и обувью, летом отправляли в пионерский лагерь. Уже пятый год, как переехали они из двенадцатиметровой комнаты в двадцатиметровку, где помимо обеденного стола появился еще стол для занятий старших ребят. Правда, спать все равно приходилось на полу, но уже не так тесно, как раньше. Жизнь медленно, но все-таки улучшалась. По праздникам мать баловала детей даже белым хлебом. А на деньги, полученные за распиловку дров для учителей, старшие братья купили одни выходные брюки. Три года назад старший из Стоговых, Андрей, стал студентом. Казалось, до полного благополучия осталось совсем немного. Но война перечеркнула всё.

Пережитые ранее войны и голод подсказывали матери, что надо запастись что-нибудь из продовольствия. Думала она в эти минуты не о себе, а о своей ораве детей, которая будет просить есть независимо от обстоятельств.

Мысль эту она высказала в один из первых дней войны, когда еще были дома все дети.

– Ты не позорь нас! – вспыхнул старший сын. – Кому нужны твои запасы? Война кончится через неделю-две. Что ты будешь делать с продуктами? А если узнают о твоих заготовках? Нас тотчас вызовут на комсомольское собрание с объяснением. Стыда не оберешься! Разве в финскую войну ты делала запасы? Нет? Ну вот, не устраивай панику. Как все, так и мы.

Старшему поддакивали остальные, и ей пришлось подчиниться, ведь они такие грамотные, всё знают, знают даже, когда война кончится.

Но чем больше проходило дней, тем меньше оставалось надежд, что война через неделю-две или месяц кончится победным разгромом врага. По радио и во множестве постановлений, наклеенных на стенах домов, ленинградцев призывали превратить город в крепость, готовиться к борьбе не на жизнь, а на смерть. Окна подвальных помещений заделывались кир-

пичом с небольшими бойницами для стрельбы. На углах перекрестков появились бетонные огневые точки. Часть улиц перегораживали «ежи» и противотанковые надолбы.

В конце Воронежской, в той стороне, что выходила на набережную Обводного канала, начали строить баррикаду. Взрослые и дети тащили сюда всякий хлам, которого во дворах было великое множество. Это чем-то напоминало Парижскую коммуны⁹, и каждый из ребят чувствовал себя здесь Гаврошем¹⁰. Мальчишки с удовольствием, словно муравьи, лазали по самому верху, надо и не надо перетаскивая с одного места на другое бочки, железные кровати, тележные колеса, ящики.

Слова управдома, сказанные взрослым о том, что на баррикаду надо тащить все, что попало, ребята истолковали по-своему. Валерка предложил разгромить ненавистный забор, отделявший двор от Большого сада. Сколько раз их драли за то, что они делали в нем дырки или, перелезая через него, рвали штаны. С общего согласия судьба забора была решена в считанные минуты. На двух больших тачках он вскоре перекочевал на баррикаду.

Теперь двор казался просторнее и чище. Ребята обошли все его углы, заглянули в пра-чечную – и оттуда исчезли деревянные бадьи. На тачки были уложены большие сани для уборки снега. Остались только лопаты и скребки. Но Витька не уходил.

– Гляди, – потянул он Валерку за рукав.

– Что? – Валерка непонимающе уставился в угол, где, кроме флага, который вывешивали возле ворот по праздникам, ничего интересного не было.

– Знамя. Нам на баррикаду.

– Во здорово! – Глаза Валерки засверкали. – Надо написать: «Смерть немцам!» Или лучше: «Смерть Гитлеру!»

Витька предложил часть баррикады, примыкающей к левой стороне улицы, оборудовать для своей обороны. Ребята стали таскать туда булыжники, вывороченные из мостовой. Возник вопрос: а каким оружием они будут обороняться? Ребята остановились, глядя на Витьку.

– Насчет пулемета не знаю, а винтовки дадут, – подумав, сказал Витька. – Должны дать. Не рогатками же защищаться? В постановлении горсовета сказано: «Все, кто способен держать оружие, на защиту родного города!» Потому мы и строим. Так что должны дать.

– Надо узнать, – не унимался Сенька Фуражин. – Строим, строим, а нас потом загонят в бомбоубежище. На фига это надо!

И Виктор направился к командиру МПВО, руководившему стройкой.

Вернулся он скоро.

– Пацаны! Командир сказал, что сначала оружия не будет. Сначала будем помогать: ну, подносить патроны, таскать раненых и прочая ерунда. Потом, если кого убьют, тогда, конечно, можно взять винтовку или наган.

Говорил Виктор вяло, без энтузиазма, не так, как во дворе перед «атакой колчаковцев», и Валерка понял, что друг его все это придумал сейчас, чтобы утешить ребят.

Валерка отвел Витьку в сторону:

– Ты все наврал, да?

– Ага. Вон тот, – Витька с презрением кивнул в сторону командира, – сказал, что здесь будет не детская игра и наше место в бомбоубежище. – Потом, помолчав, с надеждой добавил: – А может, еще и не он будет здесь командовать.

Похоже, остальные ребята тоже не поверили Витьке, потому что на следующий день на баррикаду никто из них уже не пришел.

⁹ П а р и ж с к а я коммуна – революционное правительство Парижа, которое установило самоуправление в городе. Действовало 72 дня – с 18 марта по 28 мая 1871 г.

¹⁰ Г а в р о ш – персонаж романа Виктора Гюго «Отверженные», парижский сорванец, погибший на баррикадах в ходе восстания 1832 г.

Глава 4

Двадцать девятого августа 1941 года из Ленинграда вышли последние два поезда с эвакуированными, завершившие железнодорожное сообщение с Большой землей.

Четвертого сентября фронт настолько приблизился к городу, что снаряды стали рваться на территории станции Витебская-сортировочная. С этого дня начался изнуряющий артиллерийский обстрел города.

Разрывы застали Виктора и его друзей на Володарском проспекте, в трамвае, когда они возвращались из Рыбацкого, где наблюдали воздушный бой. Не гудели заводы, не выли сирены, возвещавшие об очередной воздушной тревоге. И вдруг, перед самым Володарским мостом, со страшным грохотом взметнулась черным смерчем земля. Это было непонятно. Прорвались самолеты? Но не было на небе шапок от разрывов зенитных снарядов, да и гула моторов не слышно.

Трамвай резко затормозил. Толкаясь и давя друг друга, люди кинулись в подворотни ближайших домов. Захваченные паникой, устремились туда и ребята. Уже достигнув тротуара, Витька увидел, как вспучилась стена дома и, разломившись на куски, рухнула, подняв кучу пыли. Яркой молнией полыхнул перерубленный осколком конец трамвайного провода.

Кто-то толкнул Витьку в спину и, навалившись, придавил к земле. Он сильно ушибся, но не закричал от боли, потому что сознание его парализовал пронзительный женский крик, раздавшийся совсем рядом. Казалось, прошла вечность, прежде чем крик оборвался. И тотчас наступило полное безмолвие.

Теперь Витька почувствовал, как сильно печет колено и плечо. Он зашевелился, пытаясь освободиться, а главное, вытащить ушибленную ногу. Придавивший его человек перевалился на бок, сел рядом с мальчиком и стал себя ощупывать, словно искал запропастившиеся куда-то очки или записную книжку.

Виктор приподнялся на локте, попытался тоже сесть. Но тут он встретился взглядом с остановившимися, широко раскрытыми глазами женщины, лежащей грудью на тротуаре в нескольких метрах от него. Огромная густая, как варенье, лужа крови, вытекшая из-под ее живота, разлилась на два ручья, один из которых заканчивался почти рядом с Витькой.

От ужаса Витька почувствовал, как ослабла в локте рука, и он снова повалился вниз лицом.

– Ты что, мальчик? Ранен? Тебе плохо? – засуетился мужчина. Он сидел к женщине спиной и не видел ее.

Мужчина сделал попытку повернуть его к себе лицом. Но Витька попросил:

– Не надо, дядя, не надо. Я сам.

Люди стали постепенно подниматься, отряхивать с себя штукатурку и пыль. Послышались тихие голоса, стоны, всхлипывания, проклятия в адрес фашистов.

– Витька! Борька! Сенька! – Это раздавался голос Валерки.

Из друзей больше всех пострадал Витя. Лоскуты на штанине у колена обильно пропитались кровью. Левую руку больно было поднять. Он морщился от боли, но терпел.

Ребята сгрудились возле Витьки. Хлопоча возле друга, ребята не заметили, как приехала «скорая помощь», улица наполнилась людьми, машинами пожарной охраны, милицией и сандрожинницами. Каждый из них споро делал свое дело.

– Вот еще один пострадавший от артобстрела, – подскочила молоденькая девушка к Вите. – Куда ты ранен? – обратилась она к нему.

Виктор смутился. Если он и пострадал, то не от артобстрела, а от этого пожилого дядьки, который навалился на него. Но вопрос: «Куда ты ранен?» – все-таки существенно отличался

от того, как его спрашивали раньше: «Куда тебе треснули?» И, не вдаваясь в подробности, он скромно ответил:

– Вот, колено и плечо.

Девушка поставила рядом сумку, вытащила из нее ножницы, взялась за край штанины.

– Штаны не режьте: мать будет ругать, – попросил он. Это были его самые любимые брюки бриджи с застежками под коленом, сшитые сестрой из дешевого вельвета перед отъездом в лагерь.

– Глупый, они же испорчены. Вон дыра-то какая!

– Ничего, сестра зашьет – незаметно будет, она умеет.

– Ну тогда я по шву распорю осторожно.

После того как сандружинница смыла спиртом кровь, обнаружилась большая кровото-чащая ссадина, но, по Витькиным понятиям, не такая серьезная, чтобы считаться раненым. Он жалел, что это видят ребята. Правда, колено уже здорово опухло и появилась внутренняя синева.

Девушка щедро накрутила бинты, не догадываясь, какое этим доставляет громадное удо-вольствие пациенту. Такое обилие бинтов создавало впечатление серьезного ранения.

– Ну вот, сейчас тебя отправят в больницу, там врач посмотрит руку, – сказала она, делая повязку через шею.

– Не, я домой, меня ждут, – заупрямился Стогов.

– Да ты что? А если у тебя кость треснула? – Но, увидев упрямство на лице мальчика, сандружинница смягчилась: – Подожди минутку. – Потом повернулась и крикнула: – Галина Ивановна, взгляните на мальчика!

Подошла пожилая женщина, выслушала сандружинницу, повернулась к Вите:

– Ну-ка пошевели пальцами! Так, хорошо, а теперь я буду двигать твою руку, а ты скажи, где больно.

Но Виктор терпел. Морщился, но терпел.

– Сходи по месту жительства в амбулаторию, – сказала она Витьке. Потом повернулась к девушке: – Отправьте его на машине домой.

– И остальных тоже, – кивнул Витька в сторону своих друзей.

– И остальных тоже, – согласилась врач.

Дома уже слышали об артобстреле.

– Где тебя, ирода, носит?! – накинулась на Витьку мать.

Ни внушительные марлевые повязки, ни поддерживающие Витьку под руки ребята, ни торчащие из штанины бинты не произвели на нее впечатления.

– Господи! Когда кончится это бродяжничество! Кругом стрельба, а этих аспидов носит по всему городу! Возьму веревку и выдеру всех по очереди!

Мать едва не воспользовалась давно укоренившимся во дворе правилом: в целях воспитания драть и своих, и чужих детей. И никто из родителей на это не обижался.

Ребята, толкая друг друга, попятились в коридор, а оттуда опрометью кинулись во двор. При столкновении с родителями такое бегство не считалось предательством.

Затянувшееся сидение дома действовало на Витю угнетающе. С утра мать и сестры отправлялись на работу, а он оставался наедине с репродуктором, который теперь не разрешалось выключать из-за воздушных тревог. По радио чаще всего шли передачи из штаба МПВО о том, как вести себя при артобстрелах или бомбежках. Часто передачи прерывались объявлениями: «Граждане! Воздушная тревога!», затем следовал вой сирены и полный тоски стук метронома.

От нечего делать Витя снял со стены репродуктор. На него в нижней части рупора глядело нарисованное детской рукой лицо. По кудряшкам волос его можно было причислить к

женскому. Это еще три года назад Витя нарисовал диктора радио Оловянову. Правда, Оловянову он никогда не видел, как не видел и остальных дикторов, которых прекрасно различал по голосам, но решил, что она такая и есть.

Теперь Вите казалось необходимым заменить Оловянову на другого диктора – Меломеда, теперь постоянного ведущего на радио.

Он смочил тряпочку и стер белую гуашь. Потом достал краски и нарисовал мужское лицо, подрисовал зеленой краской гимнастерку, через плечо противогаз и для большей убедительности красной краской подписал: «Меломед».

По радио действительно говорил Меломед, сообщая сводку Совинформбюро¹¹ за истекшие сутки 6 сентября. Потом кто-то читал поэму «Ленинградцы, дети мои!» Джамбула Джабаева. Витя почти не слушал. Но вот начался рассказ летчика-истребителя Титаренко о сбитом им вражеском самолете над поселком Рыбацкий, и Мальчик замер: речь наверняка шла о том захватывающем воздушном бое, который они наблюдали в злополучный день первого обстрела.

Накануне из Рыбацкого приехала Валеркина тетка и рассказала, что у них прямо над поселком наши летчики дерутся с немецкими и часто на крыши барачков падают стреляные гильзы. Вот тогда Валерка и предложил самым близким друзьям – Витьке Стогову, Борьке Уголькову и Сеньке Фуражину – поехать в Рыбацкое собирать гильзы, из которых потом с помощью спичечных головок получаются отличные взрывные заряды. При этом он многозначительно заметил: «На баррикаде будем не с пустыми руками».

И без этого напоминания каждый из мальчишек прекрасно понимал, что им сейчас не хватает именно оружия. Теперь-то уж никто не припишет им «изготовление опасных хулиганских предметов», как два года назад было указано в протоколе, составленном милицией.

Тогда они только учились делать заряды из патронов, привезенных Валеркиным дядей с финской войны. Поскольку владельцем патронов был Валерка, ему и поручили первому испытать заряд. Он трясущимися руками чиркнул привязанными к гильзе спичками о коробок и хотел посмотреть, вспыхнул ли в щелке патрона заряд.

«Бросай!» – что есть мочи крикнул Витька.

Валерка бросил. Со страху даже не посмотрел, куда бросает. Ребята не успели опомниться, как в окне второго этажа штаба речной милиции раздался взрыв, а через секунду оттуда высунулся милиционер и скомандовал:

«Не двигаться!»

Двигаться было бесполезно: он знал всех ребят двора. Еще через минуту вся компания оказалась в этом же кабинете и со слезами на глазах давала клятву никогда больше не делать опасных предметов. Им поверили и простили. Простили в милиции, а дома... Хотя каждый хвастался потом перед другими: «А мне дома ничего не было».

В Рыбацкий ребята добрались быстро и без приключений. Им повезло: едва они успели подойти к барачкам, где жила Валеркина тетка, как в воздухе послышался гул самолетов. Прямо над озером завязался воздушный бой.

Начался бой высоко в небе, потом самолеты снизились так, что можно было разглядеть звезды на трех наших и кресты на четырех немецких.

В воздухе образовалась сложная карусель, в которой трудно было разобраться, кто за кем гоняется, кто в кого стреляет. Потом, словно договорившись, кто с кем дерется, как это делается у ребят во дворе, они разбились на группы: в одной – два наших вели бой против двух немецких, а в другой – два фашиста гонялись за одним нашим.

¹¹ С о в и н ф о р м б ю р о – Советское информационное бюро.

Надрывный вой моторов прерывался одиночной и многоголосой дробью пулеметов. Самолеты то круто пикировали, и казалось, вот-вот врежутся в землю, то взмывали высоко вверх, растворяясь в синеве неба.

И вот в один из таких моментов, когда два вражеских самолета, почти вертикально набирая высоту, как бы замерли на месте в верхней точке, раздался приглушенный треск пулемета, и один из фашистских самолетов там же, в вышине, мгновенно развалился на части.

Второй немец успел перевести самолет в пикирование. Похоже, он хотел уйти на свой аэродром. Но теперь два наших истребителя стали по бокам и короткими очередями не давали ему выйти из крена. Через какие-то секунды от немецкого самолета отделилась точка, и тотчас над ней вспыхнул купол парашюта, а самолет врезался в землю.

Виктор зачарованно следил за боем. Он мысленно был в одном из самолетов нашей отважной пары и в то же время, наблюдая со стороны, «подсказывал» летчикам, где фашисты. Кажется, с того момента, как начался воздушный бой, он перестал дышать. И вдруг почувствовал, как кто-то схватил его за руку и крикнул: «Гляди!»

Это была жуткая картина.

К земле круто снижался наш третий истребитель, за которым полыхали языки пламени. Еще миг – и в центре озера вместе с фонтаном брызг взвилось громадное облако пара...

К трамвайной остановке ребята возвращались без гильз, в подавленном состоянии. Сбили нашего летчика! Как же так? В кино наши всегда выходили из боя победителями...

Глава 5

Ночью 6 сентября завывла сирена. Первой проснулась сестра Анна.

– Господи, когда это все кончится?! – взмолилась она. – Выключите радио! Я же устаю как собака!

Виктор спал на полу ближе всех к репродуктору. Он впотьмах нащупал шнур и, прежде чем дежурный МПВО объявил: «Граждане, воздушная тревога!», выдернул вилку из розетки. Но через секунду раздался страшный грохот. Дом вздрогнул. Задребезжали окна. Это было не похоже на взрыв снаряда – сухой, короткий и звенящий. Этот взрыв, скорее, напоминал раскат грома – мощный, объемный и продолжительный. В наступившей после этого тишине слышался лишь шепот матери: «Господи, Царица Небесная, сохрани и помилуй...»

– Зажгите свет! – попросила Галя.

Опять Витьке пришлось шарить по стене в поисках выключателя.

Вспыхнул тусклый, вполнакала, свет. Все сидели с напряженными, испуганными лицами.

– Алексеевна, вы спите? – прозвучал в коридоре голос соседки – учительницы географии Клавдии Петровны.

– Нет, заходите!

– Одной страшно. Что это? Может, бомбят? – заговорила учительница, плотно кутаясь в одеяло.

Теперь на улице отчетливо слышались уже знакомые далекие глухие разрывы зенитных снарядов.

– Ма, я схожу гляну? – попросил Витька.

– Сиди дома. Что ты узнаешь? Все попрятались.

Одновременно с раскатом следующего взрыва погас свет.

– Всё, выключили, – тихо сказала учительница.

– Кто – свои или немцы? – с раздражением от усталости спросила Анна.

Ей никто не ответил.

Анна работала хирургической сестрой в госпитале на Суворовском проспекте. Под Ленинградом шли тяжелые бои, и медперсонал не знал передышки. В коридорах перед операционными плотно стояли каталки с ранеными, ожидая своей очереди. А сегодня, впервые за целый месяц, Анна приехала домой, в изнеможении села к столу и попросила чего-нибудь поесть. Пока мать хлопотала у плиты, Анна положила голову на руки и заснула. Ее пытались разбудить, но сквозь сон она сказала, что есть не будет. Мать с сестрой Ольгой перетащили ее на кровать, сняли с нее плащ, под которым оказался белый халат, весь забрызганный кровью. К семи часам утра ей нужно было вернуться в госпиталь.

Витя в темноте тихо сгреб вещички и осторожно шмыгнул из комнаты, захватив самодельный электрический фонарик. Прыгая через ступеньки, он в считанные минуты оказался перед дверью чердака, которая теперь не запиралась в связи с приказом о круглосуточном дежурстве во время воздушных тревог. Но в школе дежурить было некому, и мальчик не сомневался, что на крыше сейчас никого нет. Да и в соседних домах, ребята убедились, этот приказ пока выполнялся не очень строго, потому что до сих пор город не бомбили.

Маневрируя между балками, он в три прыжка оказался перед слуховым окном. Еще мгновение – и, гулко топая по железу, поднялся к одной из громадных кирпичных труб.

Первая бомбардировка города продолжалась. Множество прожекторных лучей металось по темному звездному небу, густо усеянному шапками белесоватых облаков зенитных разрывов. В том месте, где лучи скрещивались и замирали, сначала вспыхивал огненный шар, а затем раздавался треск. Витя сориентировался: это в районе Пяти углов или чуть ближе к Проспекту

25 Октября¹². В том же направлении, скорее всего на Лиговке, с земли поднимались всполохи пожара.

Витя решил забраться на трубу, чтобы точно определить, где пожар. Но, повернувшись к трубе, увидел, как через дорогу, на Боровой, с крыши одного из домов в сторону фабрики имени Анисимова часто мигает яркий свет фонаря. От неожиданности у него дух захватило. Мальчик пожалел, что под напором старших избавился от рогатки. Конечно, он не мог ею причинить вреда диверсанту, но напугать было можно. От обиды он едва не заплакал.

Постепенно гасли прожектора и прекращалась канонада зенитных орудий. На крыше нечего было больше делать.

Утром, чуть свет, Виктор обежал своих друзей. Собрались, как всегда, около прачечной.

– Ну что, ночью сидели по домам и дрожали от страха? – с вызовом оглядел он свою компанию.

– Я спал, не слышал, – признался Валерка Спичкин. – Мать утром рассказала о бомбежке.

– А ты? – Витька уставился на Борьку Уголькова.

– Я не спал, но мамка не пустила. У нас на пятом этаже всё во как качалось.

– И меня тоже сцапали у двери, – виновато признался Сенька Фуражин, – потом увели в бомбоубежище.

– А я был на крыше! – Витька от самодовольства даже выпятил грудь. – Красотища – страх! Ну, вам это не понять – это надо было увидеть. Только вот что я хочу сказать: постановление о борьбе с диверсантами читали? Так вот, я этого диверсанта видел. Кажется, на крыше дома, где живет Гаврилка-Кит. Пошли к Гаврилке, договоримся, как будем ловить диверсанта.

– Что, сами? Без взрослых? – удивился Борька Угольков.

– Если расскажем взрослым, нас могут отстранить. Скажи ему, Валерка, сколько мы в лагере ловили, и всё без взрослых. Это тебе в новинку: сидишь в городе все лето. А мы в последний раз поймали...

Витька по дороге стал рассказывать такую захватывающе интересную историю-небылицу, что даже Валерка с интересом слушал об этом героическом подвиге, в котором и ему, Валерке, нашлось достойное место.

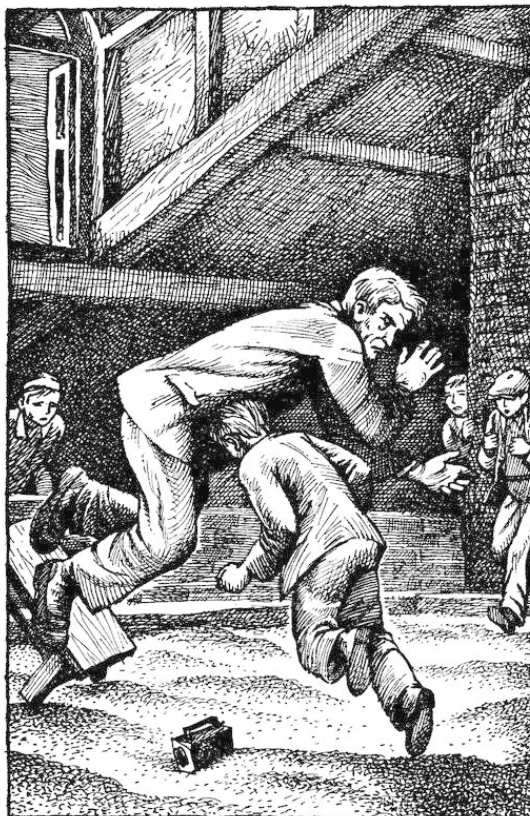
Поздно вечером все собрались у Гаврика-Кита. Тот, как самый сведущий на своем чердаке, расставил всех по местам. Сам он залез на крышу и залег возле слухового окна с большим мешком наготове. Как наиболее сильный из всех, он должен был накинуть на диверсанта мешок. Витьке поручалось дать подножку, а Валерке с Борькой и Сенькой – навалиться на сбитого с ног человека, пока не спрыгнет Гаврилка. Впятером они должны были связать диверсанта. Фонарями решили не пользоваться, чтобы враг не разобрался, что имеет дело с пацанами.

Все замерли. Сидели долго, казалось напрасно. Но вот послышались приглушенные шаги. У двери человек постоял, прислушался, чем-то пошуршал, и в темноте вспыхнул синий свет фонаря, направленный под ноги. Человек уверенно шел к слуховому окну. У самого окна он поставил на землю скамеечку и поднялся на нее. Все это выглядело, как в приключенческом фильме «Человек-невидимка», потому что в синем круге света, кроме ног, обутых в черные ботинки с большими новыми галошами, да кончиков черных брюк, ничего не было видно.

От ужаса Виктор съежился. Он почувствовал, как по всему телу пробежали холодные мурашки. Ноги в коленях мелко задрожали. От напряжения в глазах заболела голова.

В этот момент резко и громко лязгнуло железо крыши. Потом, сбитый с ног, со стоном по крыше покатился Гаврилка.

¹² Так с 1918 по 1944 г. назывался Невский проспект.

Витька тотчас очнулся, выскочил из засады и ринулся головой вперед, целясь мужчине в живот. Он крякнул под тяжестью опрокидывающегося через него огромного тела и закричал:

– Валерка! Бейте его!

Послышалась отборная брань, и грубый голос угрожающе взревел:

– Убью, сволочи!

Кто-то из друзей в темноте залез пальцами Витьке в рот. Он сдавил челюсти и услышал визг Сеньки. Несмотря на старания ребят схватить мужчину, он расшвырял их по сторонам. Еще миг – и Витька почувствовал, как цепкие руки отбросили его в темноту. Упав на слой опилок, он услышал, как мужчина, матерясь, помчался к двери, потом стал быстро спускаться через три-четыре ступеньки.

Гаврилка мог упасть с крыши пятиэтажного дома. Его удержало ветхое, кое-где повалившееся металлическое ограждение из тонких железных прутьев. Теперь на четвереньках он подполз к окну и не в силах был сам спуститься на чердак.

– Пацаны, помогите! – попросил он.

Ребята втащили друга. Валерка чиркнул спичкой и нашел повалившуюся скамеечку.

Все постепенно приходили в себя.

– Чего же ты? – спросил Витька Гаврилку.

– Я только поднялся с мешком, как он кулаком в грудь сбил меня с ног. Но я, кажется, узнал его. Это наш управдом. Вот гад, а? Нам, пацаны, его не взять: он здоровый.

– Возьми бы, – возразил Витька, – я свое дело сделал чисто. Он бы у меня лежал как миленький!

Остальные скромно молчали. Виноватые лица скрывала спасительная темнота.

– Айда в штаб милиции, пусть они его берут, – скомандовал Витя и включил фонарь, чтобы посветить под ноги, но тотчас увидел на полу большой, похожий на железнодорожный электрический фонарь с синим стеклом на рефлекторе. Ребята стали рассматривать его. Возле

выключателя стояла иностранная надпись с двумя направленными в разные стороны стрелками. Витя двинул рычажок в одну из сторон, и тотчас синий фильтр сменился красным. Он нажал кнопку – и сильный луч, подобно прожектору, осветил самые удаленные углы чердака.

– Вот это штукавина! – восхитился Гаврилка. – Витька, за то, что он двинул меня в рожу, отдай мне фонарь. У тебя есть, у Валерки тоже, а у меня нет.

Двух других, на год моложе его, Гаврилка просто проигнорировал.

– Да мне не жалко, – слукавил Витя, хотя мысленно искал доводы стать владельцем фонаря, – но надо показать в милиции, а то как нам поверят, что мы ловили сигнальщика?

– Ясно, там его зажилят, – сокрушенно сказал Гаврилка. – Любой мильтон прижмет такую штуку.

В штабе речной милиции их принял давно знакомый «дядя Степа», действительно очень высокого роста и такой же покладистый, как милиционер из стихотворения Сергея Михалкова. Сбивчивый рассказ всей компании он слушал с улыбкой, пока не увидел фонарь. После этого стал серьезно уточнять детали.

– Вы действовали как анархисты. Так мы не победим. Нужна борьба организованная, чтобы каждый знал свое место. Например, вы выслеживаете, а мы с оружием...

– А нам бы оружие, – перебил Витька. – Мало ли что, может, помощь понадобится.

– Э, нет. Вам оружие рано. Вот создать из вас организованный отряд можно. Только подыщите еще ребят.

«Дядя Степа» много говорил об обороне города. Потом пригласил ребят прийти к начальнику милиции на инструктаж о том, как ловить сигнальщиков.

Из беседы Виктор вынес твердую уверенность, что для дальнейшей борьбы оружие им просто необходимо. Эта мысль не давала ему покоя еще с того дня, как они строили баррикаду. А сейчас, когда стали говорить о полном окружении Ленинграда, о блокаде, о возможных в скором времени уличных боях, не иметь оружия казалось преступным. Он поделился своими соображениями с Валеркой.

– Я знаю, где можно достать оружие, – тихо сказал Валерка, хотя на всей улице никого не было. – Батя рассказывал, что к ним на Кировский завод привозят в ремонт танки прямо с передовой. В них иногда остаются винтовки, пистолеты, а уж патронов – навалом.

– А как пройти на завод? Кто нас пустит? – спросил Витька.

– Ха, я даже в цехе у отца много раз был. Через дырку в заборе, конечно. Потом, к ним постоянно идут составы, грузовые трамваи. Чуешь?

Кировский район, как никакой другой, был похож на прифронтовую полосу. От Площади Стачек проспект того же наименования в нескольких местах был перегорожен баррикадами, в которых оставлены узкие проемы для трамваев. Перед баррикадами в несколько рядов стояли противотанковые надолбы, тянулись проволочные заграждения.

Ребята спрыгнули с попутного трамвая точно перед воротами завода.

Валеркины сведения о дырках в заводском заборе оказались довоенными. Теперь дырок не было. Сверху забора тянулся ряд колючей проволоки, а на всех воротах стояли вооруженные рабочие, как в кинофильмах про революцию. Прежде чем пропустить поезд, они внимательно осматривали платформы.

Валерка чувствовал себя неловко перед другом, поэтому он смело подошел к вахтеру, внешний вид которого, как показалось, излучал доброжелательность. Несмотря на теплынь, старик был одет в старую, не по росту длинную синюю форменную шинель.

– Дядь, вы Спичкина знаете?

– Антошку, што ль? – уточнил вахтер. – Кто ж его не знает!

– А я его сын, – гордо и с надеждой сказал Валерка. – Так мы пойдем? – И он потянул Витьку во двор.

– Пстой! Пстой! Куда это «пойдем»? – перегородил вахтер дорогу. – Нельзя.

– Почему нельзя? Я все время к нему ходил.

– При мне не ходил. Я тебя в первый раз вижу, хотя работаю на Кировском более сорока годов. Почитай, от теперешнего директора до последнего ремесленника всех знаю. Да што теперешний директор, я Ленину в восемнадцатом¹³ ворота отворял, во!..

Старого человека, видимо, не баловали вниманием, и ему захотелось выговориться. Но ребятам не терпелось скорее пробраться на завод. Через открытую дверь проходной была видна вся территория и на ней множество бронемашин, танков, всякой гусеничной техники.

Валерка потянул Витьку в обход вахтера. Они уже намеревались броситься наутек, но вахтер разгадал их замысел:

– Не озоруй! А то... время военное. – И он с достоинством поправил винтовку на плече.

Ребята возвращались домой разочарованные. Тревога застала их на углу Курской и своей Воронежской.

– Бежим! – крикнул Витька. – Успеем!

Но едва они поравнялись с подворотней, как совсем рядом раздался жуткий грохот. Оба упали на землю и прижались к стене. Но потом поднялись и хотели бежать дальше. Однако дворник в белом фартуке и военной каске сгреб их и втолкнул под арку дома.

Грохот взрывов не прекращался. Такой сильной бомбежки еще не было. Дом, в подворотне которого спрятались ребята, непрерывно содрогался. Начали сыпаться стекла.

– Прижмитесь плотнее, – приказал дворник ребятам, показывая, как надо это делать. И казалось, он не просто прижался к стене, а вдавился в нее.

Явственно чувствовался запах дыма.

Дворник выглянул из подворотни.

– Мать честная! На Лиговке горит! Да это же дом моей дочки! – Причитая, он опростелся помчался в сторону пожара.

Ребята тоже высунулись на улицу. В стороне Лиговки и дальше, на Тамбовской, зловеще поднимался черный столб дыма. Но еще страшнее было небо на противоположной стороне. Густые, серо-черные, до жути громадные облака заполнили полнеба. Их рельефность подчеркивалась наступающими сумерками. Облака медленно поднимались вверх и также медленно расплзались в стороны, отчего трудно было понять, где источник пожара. На фоне гигантского скопления дыма пятиэтажные дома потеряли свои размеры, объемность, внушительность. Они казались какими-то плоскими маленькими квадратиками.

– Газовый завод горит, – тихо сказал Валерка.

– Не, скорее «Красная звезда» или Бадаевские склады.

Они свернули за угол и услышали, как сзади завывала сирена пожарной машины. От Обводного канала на полной скорости мчались три красные, еще не перекрашенные в защитный цвет машины.

– Пойдем до угла Прилукской, глянем, где это, – предложил Витька.

Но на Прилукской пожара не было, и потому они дошли до Расстанной, свернули на Боровую и дальше на Киевскую. Отсюда было видно, что горели Бадаевские продуктовые склады. От угла Новой улицы, возле полотна железной дороги, забор был повален, открывая панораму пожара. Со стороны заводов имени Карпова и «Красной звезды» бежали люди с баграми, ломами, ведрами.

Влекомые народом, ребята устремились к складам, объятых пламенем. Горели ряды длинных деревянных строений, расположенных вдоль железнодорожной ветки. Уже на почти-тельном расстоянии чувствовался жар, слышался треск и злобный вой остервенелого беспощадного пламени, заглушавшего крики людей.

¹³ Речь идет о 1918 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.